

С.Э. Сомов (Могилев)

ТЕМА ВОССОЕДИНЕНИЯ УНИАТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

Воссоединение униатов, насильственно отторгнутых римским католицизмом от древней религии белорусов – православия – в XVII–XVIII веках, было главным делом всей жизни Георгия Конисского, архиепископа Могилевского и Белорусского. В решении «диссидентского вопроса», будоражившего Речь Посполитую в период Просвещения особенно сильно, Конисский сыграл ведущую роль, именно он фактически возглавил движение за свободу совести и вероисповедания в Польше, защищал права гонимых людей перед лицом польского короля, на заседаниях варшавских сеймов, на слушаниях «смешанного суда», учрежденного благодаря титаническим усилиям просветителя. Поэтому неслучайно, что тема воссоединения единоверных в лоне Матери-Церкви проходит красной линией через все творчество Могилевского архиепископа. Ей посвящен ряд историографических сочинений Конисского, обшир-

ное эпистолярное наследие, а также слова и речи, многие из которых стоят в ряду лучших образцов ораторского искусства того времени.

Одним из произведений, раскрывающих тему воссоединения униатов, является «Слово при освящении церкви, возвращенной из унии в православие», не имеющее определенной датировки в источниках, которыми располагает современная наука [1, с. 463–466]. Не случайно эпиграфом к слову на «особенный случай» Георгий избирает фразу из 125 псалма: «Внегда возвратити Господу плен Сион, быхом утешении: исполнишися радости уста наша и язык наш веселия. Ныне рекут во языцех: возвеличил есть Господь сотворити с ними. – Тем паче мы ныне говорим: возвеличил есть Господь сотворити с нами: быхом веселящеся; сеявше слезами, радостью пожнем» [1, с. 463]. Данный псалом был сочинен в связи с возвращением иудеев из Вавилонского плена, а томление православных белорусов под религиозным гнетом католической Польши Конисский всегда сопоставлял с тягчайшим рабством, Египетским или Вавилонским.

Однако при этом Георгий делает оговорку, что католическое или униатское вероисповедание он не отождествляет с языческим «злочестием Вавилонским», поскольку западная церковь некогда была едина с восточной (в тексте слова Конисский называет католическую церковь «сестрою», а католиков – братьями). Но отделение от чистоты древнего вероучения он целиком относит на совесть католицизма. Чтобы сделать свою мысль очевидной, Конисский предпринимает экскурс в сравнительное богословие.

Первейшим из отступлений западной церкви от постановлений первого, второго и других Вселенских соборов Георгий считает внесение изменений в Символ веры – основополагающий перечень догматов христианства. Непосредственно это касается дополненного в конце восьмого века католиками догмата об исхождении Святого Духа не только от Бога Отца, но и от Сына. Говоря об этом, епископ сокрушенно обращается с риторическим вопросом к самим католикам, как бы присутствующим среди слушателей слова: «Тут судите сами, братия, Римские Католики, кто разделение Церкви сделал? Кто схизматиком сделался?.. Мы ли, устоявшие при символе Никейском и ни иоты в нем не исказившие, или вы, исказивши оный придатком своим, и вместе с тем проклятие Святых и Богоносных Отец самоизвольно на себя навлекши?» [1, с. 464].

Георгий рассуждает и о догмате главенства в Церкви Христа Спасителя. Он готов признать в согласии с католиками апостола

Петра «старейшим», т.е. наиболее выдающимся в христианской иерархии, однако принципиально неприемлемым Конисский считает практику присвоения ему верховного места, равно и кому-либо из епископов. Здесь, не говоря прямо, просветитель подвергает критике догмат католицизма о безусловном главенстве власти римского папы. «А сего ни единому епископу, ниже самому Апостолу, присвоить себе никак не можно и грешно» [Там же].

Одним из принципиальных отличий между западной и восточной церковью, отличий уже не догматических или канонических, но не менее принципиальных, Конисский считает те средства, которые употребляются для распространения веры. По принципу антитезы Георгий выстраивает длинный ряд средств западной и восточной церковей. У западной церкви – насилия, притеснения, обиды, гонения, раны, «узилища», бичи урядников; у восточной – кротость, спасительное Слово Божие, дружелюбные советы и увещания. «Почему и едино сие различие, – заключает Конисский, – довольно уже может указать, на какой стороне Дух Христов, кроткий и незлобивый, и на какой дух свирепства и озлобления» [1, с. 465].

Проделанный Георгием анализ самых значимых, с его точки зрения, отличий становится основанием для осознания и прочувствования слушателями подлинной радости возвращения из уз западной церкви в содружество любви, в «объятия Матери», т.е. церкви восточной. Это не просто искупление греха отцов – вероотступничества, это возвращение из схизмы ко Христу. Возрадоваться епископ восторженно призывает даже умерших прежде православных христиан, претерпевших гонения и муки за свою веру: «Радуйтесь, говорю, потому, что потомки ваши опять во едину веру и благочестие с вами соединяются и клятвы положенной Святыми Отцами свободжаются» [Там же].

Непосредственных слушателей слова, прихожан освящаемой церкви, Конисский призывает искренне возблагодарить Бога за промысел, милость и благость, выразившуюся в том, что царствовать над ними поставлена «Государыня Благочестивейшая, кротчайшая, всемилостивейшая», которая даровала «свободу возвращаться во благочестие». Речь, безусловно, идет о Екатерине II, сыгравшей определяющую роль в решении как «диссидентского вопроса» в частности, так и судьбы Речи Посполитой в целом. Данная часть слова Конисского явно свидетельствует, что его датировка относится к периоду после раздела Польши, т.е. после 1772 г.

Завершает слово Георгий традиционным для ораторской прозы просветителя молитвенным обращением ко Христу. Главной мыслью молитвы становится мечта о единстве всех христиан, пока находящихся «вне тела и вне стада» Христова, в единстве, прообразом которого выступает незримое единство ипостасей пресвятой Троицы.

Конисскому довелось увидеть непосредственные результаты многолетней борьбы за право воссоединения униатов и католиков – в течение 1772–1795 (год смерти архиепископа) годов в православие без какого-либо внешнего давления со стороны властей возвратились сотни тысяч белорусов, не утративших чувства духовно-национальной самоидентификации, не смотря на длительный период «ополячивания» и «окатоличивания».

Литература

1. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского. – Могилев-на-Днепре: Скоропечатня и Литография Я.Н. Подземского, 1892.